

Нурмурат Сарыханов

Перевод с туркменского: Александр Иванович Аборский

ШУКУР-БАХШИ

повесть

[Повесть «Шукур-бахши» не был напечатан при жизни автора. Писатель не считал эту работу законченной. В настоящем издании печатается с некоторыми сокращениями.]

1

Шукуру не давали спокойно пожить дома. Едва он появлялся в своём ауле, обязательно приезжали откуда-нибудь люди, «выпрашивали» его у родственников и увозили с собой «на денёк». Он не возвращался месяц, а то и два. Родные ждали, бранили тех, кто увёз Шукура, но что толку. Так повторялось много раз. Не удаётся прославленному бахши наслаждаться домашним покоем. Его судьба — кочевать по аулам, из кибитки в кибитку, с одного праздника на другое. На то он и Шукур-бахши.

Высокий, смуглый, с худощавым выразительным лицом и живыми глазами, едва ли старше тридцати лет, — таков был в ту пору знаменитый бахши. Слава не испортила его. Никто не мог упрекнуть его в заносчивости, свойственной артистам, избалованным успехом. Он отдавался своему искусству со всей страстностью горячей натуры, был неутомим в поисках новых мелодий, любил показать своё мастерство.

Где он появлялся, тотчас собирался народ. Шукур брал дутар [Дутар — двуструнный национальный музыкальный инструмент], его сразу охватывало вдохновение. Оно передавалось ему от народа, от юношей, сидевших рядом, от девушек и женщин, что смотрели на него, не сводя глаз, через решётчатый остов кибитки. Руки у него были сильные, пальца длинные, гибкие; что он хочет, то и делает с дутаром. Захочет Шукур — и у каждого слушателя засмеётся душа; заиграет воинственный мотив — и душа джигита переносится на поле битвы.

Шукур был, собственно, музыкант-сазандар. Популярность он снискал игрою на дутаре, но прозвище носил «бахши», что значит — певец. За свою жизнь он всего два или три раза пел при людях, и то в ранней юности, почти ребёнком. С тех пор и утвердилось за ним имя Шукур-бахши. Оно широко распространилось в народе. Он мог бы и теперь петь, так как обладал голосом. Но он был убеждён, что музыкой можно воздействовать на человеческую душу сильнее, чем словами. Не раз он говорил об этом друзьям.

Шукур был полным властителем дутара. Его музыка не была подражанием чужим образцам. Пользуясь опытом старых дутарчи, он постоянно искал новые приёмы, а то создавал и собственные мелодии.

Долгой зимней ночью его дутар звенел без устали. Шукур-бахши играл с вечера до той поры, когда над Кара-Кумами начинался день. Завороженные слушатели, казалось, не дышали. Они готовы были слушать сколько угодно. После каждой песни раздавались возгласы:

— Играй ещё, Шукур-бахши!

— Живи два раза по пятьдесят, Шукур-бахши!

— Пусть десять лет моей жизни будут твоими, Шукур-бахши!

От этих слов сердце музыканта переполнялось счастьем. Он был не из тех артистов, которые то и дело оглядываются на котёл с пловом или, не обнаружив на ковре денег, набросанных в благодарность за игру, рвут струны на дутаре. Его награда состояла в том, что народ наслаждался его игрою; поэтому даже простой крестьянин и пастух имели возможность пригласить его к себе и в своей кибитке слушать волшебный дутар. Те же, кто

совсем ничего не имел, кого не было принято приглашать на празднество, кто не был в состоянии устроить пиршество, те, заслышав, что к ним в селение приехал Шукур-бахши, оставляли все дела и бежали туда, где он будет играть.

В пору, о которой мы здесь рассказываем, Шукур-бахши задержался в одном из дальних аулов, в кибитке, по обыкновению битком набитой слушателями. Давно он не был дома. С того дня, как двое всадников, ведя в поводу свободного коня, «выпросили» его у родных и увезли, прошло уже два месяца и одиннадцать дней. «Где он теперь, когда он так нужен дома? Как его найти?» — говорили родные и соседи. Но искать его не пришлось: он сам направился домой. Он заскучал в гостях и, как говорил впоследствии, почуял что-то недоброе.

Его родичи в ту пору жили на просторной равнине Душака. Родное селение ещё издали показалось ему необычно тихим, и эта непривычная тишина усилила недоброе предчувствие. «Приеду, соберу всех от мала до велика, буду играть целую ночь до утра, повеселю себя и народ». С такими мыслями он приближался к дому. Но чем ближе кибитка, тем больше росло его беспокойство. Тоска, появившаяся с утра, разрасталась. Аул выглядел хмуро, что-то переменялось в нём. Неприветливым показалось ему и собственное жилище, стоявшее на краю, возле сухого арыка. Там не было видно никаких признаков жизни. Никто не входил и не выходил из дома. У других кибиток стояли на привязи кони, покрытые белыми кошмами, а около его кибитки не было коня, который служит лучшим украшением жилища.

Уже смеркалось. Дочка, по которой он так соскучился, трёхлетняя девчурка с русыми косичками, не выбежала ему навстречу. Её не было дома, она вместе с матерью ушла в соседний аул, к родным. Только невестка Дурсун, жена старшего брата, оказалась дома. Накинув на голову старый халат, она сидела в углу. Её лицо словно окаменело. Оно не просветлело и при появлении деверя, который отсутствовал так долго и вот явился. Невестка только глубже спряталась в халат, не ответила на приветствие и не взглянула в лицо деверя. «Что случилось?» — подумал Шукур, пристально всматриваясь в её черты. Глаза её опухли; видно, женщина много плакала. Она словно обижена на него? Что он мог сделать дурного? Или без него случилось несчастье? В доме горе, и сейчас он обо всём узнает. Опустив руки, бахши постоял немного, потом негромко стал спрашивать.

— Всё ли благополучно? Отчего ты печальна? Брат мой, Берды, дома?

Невестка не отвечала. Если бы сейчас она сказала хоть одно слово или чуть двинулась с места, она не сдержалась бы, заплакала. Так и сидела, готовая каждую минуту разрыдаться. Бахши понял её состояние. Не заставляя отвечать, он снял с плеча дутар и повесил на стену. Дурсун порывисто встала и, не сказав ни слова, вышла.

«Что произошло?» — думал бахши, оглядывая стены и ничего не понимая. Все вещи на месте. Ничего не переменялось без него, ничего не убавилось, не прибавилось. Только не было кривой шашки, принадлежавшей брату и обычно висевшей на высоком колышке. Шашки нет, коня у дверей нет, и самого владельца не видит Шукур-бахши. Что произошло?

Едва невестка очутилась за дверью, как ей навстречу вышла соседка, немолодая женщина Бостан. Увидев плачущую Дурсун, она принялась её уговаривать.

— Перестань, Дурсун-джан, — говорила она. — Перестань мучить себя. Ведь он не умер, не пропал бесследно. Будет здоровье, выпадет счастье — он в целости вернётся к тебе. Поверь, сестра, только бы посчастливилось! Мало ли таких, кто вернулся оттуда?

— Ай, не говори, сестра! Если бы я надеялась, что он вернётся, разве плакала бы, — прервала соседку Дурсун. — Не придёт он, чувствую, не придёт! — Она говорила громко, с расчётом и на уши деверя. — Не прийти ему теперь. Не прийти. За кого родственники заступятся, те вернутся, а он не придёт. У него нет таких родственников. Его никто не выручит. Одиноким он жил, одиноким и погибнет. Поэтому и плачу. Горе моё! Ты скажешь, сестра, что у него есть поддержка? Есть такой человек? И есть и нет. Этот человек пальцем не шевельнёт, чтобы выручить родного брата. Уж я знаю. Ему довольно своей музыки. Музыка, да разговоры, да похвалы людей — вот что ему нужно. В музыке для него и семья и весь мир. В музыке вся честь его.

— Что ты, Дурсун-джан, зря говоришь? — возразила Бостан. — Зачем клеветать на бахши? Бахши от брата не откажется, да и не один бахши, народ его поддержит. Сама увидишь, я-то уж знаю. Я всё знаю!

— Ой, милая сестра, что хочешь говори, а его не вернуть оттуда.

— Да вернётся он! Всё отдадут люди, а его выручат, поверь моему слову: люди выручат. А ты перестань плакать. Какой толк в слезах? Перестань!

— Рада бы не плакать, да горе моё!.. — причитала Дурсун.

Она прислонилась к кибитке, потом опустила на землю, не в силах совладать со своим горем. Слезы полились из глаз пуще прежнего. И мужа жалела она, и в девере старалась пробудить воинственный пыл, заставить его, не мешкая, заступиться за брата. Пусть бахши что-нибудь придумает. Хоть Шукур и не привык ходить в походы, но когда он берёт в руки дутар — богатырские песни льются рекою. Мужчина, в чьей душе рождаются такие песни, должен быть отважным, должен найти в себе мужество постоять за родного брата. Думая так, невестка всхлипывала, невнятно причитая.

Бахши слышал её, слышал от начала до конца весь разговор женщин. Всё объяснилось. Брата, поехавшего за горы, взяли в плен. Брат в плену. Несчастье свалилось на их дом неожиданно. Бахши не сердился на невестку, которая не сказала ему прямо и просто о случившемся, а высказала всё через посторонних да ещё хотела обидеть его, Шукура. Он думал о брате, который теперь в неволе и которому он, Шукур-бахши, столь многим в жизни обязан. Он и музыкантом стал благодаря ему.

Воспоминания о брате для бахши были тесно связаны с любимым искусством. Шукур с детства питал страсть к музыке. Когда его сверстники, отыскав палку, мастерили из неё ружьё или, оседлав её, играли в джигитов, Шукур из куска дерева делал дутар, прилаживал к нему шёлковые нитки и пробовал играть. Иной раз он выпрашивал настоящий дутар у соседей, портил чужую вещь, ставил в неловкое положение родителей. Мать посылала его в степь за травой или саксаулом, — он и там с утра до вечера только тем и занимался, что мастерил дутары. Больше всего он любил бывать в тех кибитках, где имелся дутар. Хоть играть ему не давали, зато можно было, забившись в уголок, слушать, как играют другие. От родителей мальчику порой доставалось за эту его не в меру разросшуюся страсть. «Видно, не выйдет из тебя толку, сынок», сокрушалась мать, а отец добавлял: «Сразу сказывается материнская кровь: сладкие песни любит больше, чем коня». Только старший брат не бранил его. Он купил мальчику дутар, когда Шукуру исполнилось десять лет. Дутар оказался почти непригодным, полуразбитым, но его можно было починить, подклеить, подточить. Всё-таки это был настоящий инструмент, определивший всю дальнейшую судьбу Шукура. Именно брату он был обязан этим самым радостным, самым важным подарком в своей жизни. «Да, брат Берды, тебе бахши обязан всем, что было и есть у него в жизни самого радостного. А тебя здесь нет, дорогой брат. Ты в неволе. Что с тобой происходит в эту минуту? О чём ты думаешь? Да и жив ли ты? А если по милости божьей жив, то какие надежды питают тебя?»

Бахши должен был немедленно решить, как ему выручать брата. За дверью темнело, а он всё стоял на одном месте и думал. Думал о спасении брата. Что надумал он? Ведь от того, как он начнёт действовать, будет зависеть судьба Берды, находившегося в плену. В этом невестка не ошибалась. И она и многие люди ждали, что скажет Шукур-бахши. О том, что он намерен предпринять, легко было бы предположить, если бы он был джигитом-воином, если бы брат в своё время купил ему не дутар, а коня, ружьё и с детства приучал бы его к ратному делу.

— Ах, милый бахши! Благополучно ли съездил, приехал? Как твоё здоровье, самочувствие?

Это проговорила старушка Кумыш-эдже, появившаяся с клюкой в руках рядом с Шукуром. Она жила неподалёку и доводилась ему родственницей. Она так неожиданно появилась в кибитке, вошла с такой поспешностью, что бахши на мгновение растерялся, не зная, что ответить.

— Вот и слава богу, что подобру-поздорову вернулся, — продолжала старуха, ощупывая клюкой земляной пол. — Слава богу. Как долго тебя не было, сынок! Долго заставил ты нас

не спускать глаз с дороги. Вчера людей послали за тобой, двое на север поехали, а один на запад. Может быть, ты встретил их? Ай, бахши-джан, как ждали тебя! Слава богу, приехал!

Последние слова старухи усилили задумчивость Шукур-бахши. До её прихода он не успел принять никакого решения, не успел поразмыслить обо всём как следует.

— Недаром сказано: голова мужчины в заботах о битве, — не умолкала Кумыш-эдже. Она присела, сторбившись, у очага, приблизила руки к полупогасшим углям и продолжала: — Это не напрасно сказано, бахши-джан. Только мужчины способны бороться. Да-а, восемь дней миновало, как брат твой в неволе! Восемь дней сидим горюем. Что пользы от того, что на месте сидишь, печали волю даёшь? А ты не горюй, бахши-джан, тебе печаль не пристала. Ты крепче затяни пояс и начинай действовать смело, уповая на бога. И все за тобой пойдут, бахши-джан. Опояшешься крепко-накрепко, а больше ничего и не надо. Бог тебе поможет.

Старуха могла без умолку говорить хоть целую ночь. Она знала всё происходящее кругом и обо всём имела своё суждение. Однако самое важное, что ей хотелось принести к бахши раньше других, главный совет ему был уже подан. И она повторила ещё раз:

— Кушак ту же подтяни и будь готов к выполнению святого долга!

И тут Шукур ответил ей:

— Кушак подтянут, как надо, и дутар настроен отлично, Кумыш-эдже! Вот мой ответ!

Лицо его в эту минуту просветлело. Он выпрямился, расправил плечи, огляделся кругом. Глаза его пылали. Он порывисто шагнул к висевшему на стене дутару, привычным жестом снял его с рога и опустил на кошму рядом со старухой.

— Слушай, Кумыш-эдже!

С каким-то небывалым чувством он гневно ударил по деревянному телу дутара, отчего старуха испуганно привстала, затем легко тронул одну струну и прислушался. Порыв, овладевший им, оказался сильным, дутар крепко был взят в руки. Знающий Шукура сразу заметил бы, что с дутаром в руках он намерен встретить завтрашний рассвет. И он заиграл.

2

Один за другим к кибитке Шукура скоро собралась большая часть мужского населения. Шукур играл, не вставая с той минуты, как гневно ударил по дутару, перепугав старую Кумыш-эдже. Она давно ушла, а мужчины прибывали и прибывали. Изредка бахши, поднимая голову, отвечал на приветствия входивших и опять продолжал играть.

Собравшиеся не были праздными любителями сладких речей и музыки. Все они знали о горе семьи, все пришли с желанием помочь бахши в его горе. У кого не было желания любой ценой помочь ему, тот не пришёл сегодня слушать музыку.

Сидели в узком кругу степенные мужи, люди чести и сурового обычая. Сама жизнь приучила их не жалеть о том, чего не удаётся достичь, и не раскаиваться в том, что совершено. Были тут и седобородые — аксакалы, почитаемые старики, и совсем молодые джигиты. Приехал кое-кто из соседних аулов, узнав, что Шукур вернулся домой. Все заняты были судьбою его брата.

Музыка дышала героикой походов, пела о превратностях судьбы воина. И настроение слушателей было необычное.

Нетерпеливо ожидая приезда бахши, друзья его не раз совещались и успели уже договориться между собою, как вернее освободить его брата из темницы хана. Они сидели с ясным планом в голове и готовы были его высказать. Никто не сомневался, что бахши одобрит их решение.

Шукур играл, не поднимая головы. Приходящие садились молча у порога, слушали, но у каждого из них, что называется, на кончике языка дрожали слова. А бахши раскачивался над дутаром, струны пели звонко, внятно. Иногда мелодия поднималась высоко, звучала напряжённо, угрожающе. Порою она затихала, чтобы через мгновение снова разлиться безудержным потоком, заполнить кибитку до решетчатого купола, взбудоражить душу каждому слушателю. На рассвете неожиданно для окружающих бахши запел. Можно было подумать, что вопреки его убеждению музыка не вмещала всех его переживаний. Но песня

оказалась простой, спокойной песней о дутаре; слова её были обращены к неизвестному мастеру, в давние времена смастерившему первый инструмент:

Из дерева дутар певучий мой,
Из дерева, из дерева. Оно
Росло, шумя зелёною листвою;
Теперь ему в дутаре суждено
Продолжить жизнь. Так громче, громче пой, —
Живых деревьевечною красой
Прекрасен ты, дутар певучий мой.

— Ай, спасибо, бахши-джан! — воскликнул близкий друг Шукура, что целую ночь сидел плечо к плечу с ним. Его звали Чолак-Батыр. Показав на дутар в руках Шукура, он сказал: — Инструмент твой — чудо инструмент! Не простая вещь — чудо! Да-а! А мы, бахши-джан, мы все, кто тут есть, пришли к тебе по делу. Послушай нас!

— Рад послушать! Почёт и слово даём старшим, — приветливо откликнулся Шукур. Одушевление, охватившее его, когда он играл, не покидало его и теперь.

Со всех сторон разом слышались голоса джигитов:

— Наше слово короткое!

— Долго обсуждать нечего!

— Неделю обсуждали, хватит!

— Не слово — огонь покажет результат.

— Огонь и шашка!

— Решено так решено!

— Дайте сказать одному!

— Собираемся, как условились, вот и всё!

— В поход!

— В поход так в поход!

— Постойте! Не торопитесь! Эй, молодёжь! — с трудом останавливал их Чолак-Батыр, обычно предводительствовавший в походах. Он поднял руку с обрубками пальцев и сам заговорил.

— Дорогой бахши, — сказал он, когда стало тише. — Мы подумали обо всём, пока ждали тебя. Жребий брошен! У нас твёрдо решено, что надо было решить. Если уцелеют наши головы, твой брат выйдет из ямы. Это должно быть ведомо тебе! — с ударением сказал Чолак-Батыр. Большинство сидящих согласным гулом одобрили его слова. Выждав опять тишины, он закончил: — Подступим к ханской тюрьме врасплох! Там охрана большая, но и мы идём большой силой. Мы действуем внезапно! Любой ценой освободим твоего брата. Ты и сам будешь на коне, с оружием. Мы всё предусмотрели. Иного пути нет. Иного пути быть не может. Что скажешь ты?

Он пристально посмотрел на Шукура, который слушал его с улыбкой, как слушают детей. Ничего неожиданного для бахши не содержалось в этих словах.

— Чолак-Батыр! Э, Чолак-Батыр! Надо довести до бахши и другое мнение, которое вчера тоже было поддержано на сходке. Скажи и о том мнении, Чолак-Батыр!

Эти слова принадлежали старику Меред-ага, сидевшему у мешков с пшеницей. Все знали, что у него было на уме. Чолак-Батыр, выступив вчера против мнения Меред-ага, сейчас не хотел о нём упоминать, убеждённый, что иной дороги, кроме той, по какой он сам собирается идти, не существует. Батыр что-то пробурчал себе под нос, но Меред-ага не успокоился. Он вынес на суд хозяина дома своё мнение.

— Если у тебя, бахши-джан, не лежит душа к совету Чолак-Батыра, склони свой слух к моему совету. Моё намерение не хуже, поверь мне.

Джигиты вполголоса зароптали, но Меред-ага привстал над мешками с пшеницей, стремясь всех перекричать.

— У нас есть богатство, чтобы освободить Берды-джана и обойтись без крови. Кладём на середину всё, что имеем! Хан сдастся. О его жадности к деньгам слух идёт повсюду. Хан растает при виде богатства.

— Не бывать этому!

— Нас толкают на малодушие!

— Зачем снова класть на середину то, что всеми отвергнуто?

— Только себя обесславим. Скажут: туркмены по малодушию своих людей выкупают.

— Никто не пожалел бы денег, да это не дело. Без денег сумеем обойтись!

— А если ты, Меред-ага, своё накопленное собрался отдать, то пожертвуй на призы в состязаниях, когда джигиты вернутся, освободив брата бахши.

Так возражали Меред-ага джигиты. Но каково же мнение бахши? Он пока не сказал, какую сторону принимает.

— Что говорить? Брат в плену... — бахши остановился в раздумье, положил на кошму дутар и взглянул на друзей. — Берды в плену! Первое моё слово: спасибо вам за верность и дружбу. Спасибо за поддержку и прямоту. В тяжёлый час я нашёл помощь и поддержку моих друзей. Что мне ещё говорить?

— Скажи прямо: какое из двух мнений тебе по сердцу. То или это — вот и всё! — горячо потребовал один из джигитов.

— Нет, не так! — перебил его Чолак-Батыр. — Здесь не было двух дорог. Дорога одна. Верная дорога! По ней пойдут люди чести, а ты, бахши, позабудь на время музыку, вешай шашку через плечо и — в добрый час, спасать родного брата.

— Истинно так!

— Правильно!

— Другой дороги не видим! — сразу со всех сторон раздались голоса.

Но Шукур по-прежнему сидит, слегка улыбаясь. Люди ждут его слова, а он будто не торопится отвечать им, словно боится своим ответом не угодить друзьям.

— Быть может, иной выход найдётся, — еле слышно сказал он наконец, чем ещё больше озадачил гостей. — Обязательно ли садиться на коня, идти в кровопролитный бой? Нет ли другого выхода? Или собрать всё богатство наше и отдать алчному иранцу-хану выкуп за моего брата Берды? Нет ли третьей дороги? «Дорогу осилит идущий», — гласит пословица. Так ведь, Чолак-Батыр?

— Другие пути заказаны, бахши-джан! Как ни ищи, придёшь к нашему, — строго сказал Батыр и покрутил ус. Мы думали-передумали, ожидая тебя. Решение наше зрелое, поколебать его нельзя!

Вновь заговорил Шукур. Он начал выкладывать, что думал.

— Всё понятно, Батыр, — подтвердил он. — Но когда мои ровесники и друзья запасались оружием, то я брал в руки дутар. Я с детства благоговел перед учителями музыки, ловил их мелодии, каждое движение их души. Я научился вкладывать свои мысли в музыку. Я играл и добился похвалы народа. Всего себя отдал музыке. Вам известно, что меня благословил на это Кара-Дели Гоклен. Верно ли говорю?

Батыр кивнул головой. Тогда Шукур спросил, прямо взглянув ему в лицо:

— Сумеет ли дутар сделать то, что делает конь и оружие? Я спрашиваю: сумеет или нет?

Батыр молчал, не поняв вопроса. Кто-то другой заметил, что, конечно, бывают такие случаи, когда дутар дороже шашки. Например, на свадьбе. Неясно было, что кроется за словами Шукура, и эта двусмысленность была особенно не по душе Чолак-Батыру. Он то и дело хватался за ус и переводил взгляд с одного лица на другое. Разговор, как казалось ему, становился праздным, недостойным такого собрания. Он сказал, ни на кого не глядя:

— Не свадьба на очереди! Не забывайте об этом, люди! Исполним неотложный долг, тогда можно вспомнить о свадьбе, о музыке. И дутар нам пригодится. Его милей слушать, чем шашку, когда она свистит над ухом. Но сейчас...

— И я говорю о том, что предстоит сейчас, — перебил бахши. — Я говорю о неотложном деле.

— При чём же музыка?

— Слушай, Батыр, предоставьте мне пока действовать самому. С помощью вот этой невзрачной на вид штуки я попытаюсь освободить брата. Не сумею, — тогда воля ваша, ваш черёд.

— Что ты замыслил? — воскликнул Батыр. — Дутар — оружие людей, когда они блаженствуют в тени. Это — оружие отдыха, а там, за горами, нет тенистой лужайки для нас. Я отказываюсь понимать тебя, бахши. Раскрой ясно своё намерение, может, и мы поймём что-нибудь.

— Я хочу освободить брата вот этим оружием. — Шукур поднял над головой дутар. Зная наперёд, что его замысел встретит отпор, особенно у людей храбрых, испытанных в боях, каким был Чолак-Батыр, и, натолкнувшись сейчас на такое настойчивое сопротивление большей части друзей, бахши и сам стал говорить более решительно: — Кто недоволен тем, что я задумал, подождите изъяслять недовольство. Я попытаюсь!.. Я поеду один, вот с этим дутаром, к самому хану!

— Потом?

— Сыграю ему. Буду играть, как могу, в полную силу, во имя родного брата.

Услышав эти слова, все пришли в движение. Мужчины поднимались с места, хлопали по плечам соседей, что-то доказывали друг другу, говорили громко, кричали. Кибитка была как растревоженный улей. Всяк выражал своё мнение, как умел. В многоголосом шуме нельзя было разобрать, кто за что стоял. И, казалось, не было человека, который бы не возражал Шукуру-бахши. Наконец шум улегся, стали слышны отдельные голоса, всё ещё перебивавшие друг друга.

— Куда хватил! К хану!

— Подняться туда одному?

— Голову перед ним склонить?

— Не позволим хану тешиться нашей музыкой!

— Хана выбрали в ценители туркменской музыки! Пусть пропадом пропадает тот хан!

— Он собак натравит, вот и вся музыка.

— Не дадим ему позорить наш саз и нашего сазандара. Что хочешь говори, не дадим.

— Я полагаю, бахши пошутил с нами, — покрывая голоса, сказал Чолак-Батыр. — Правда, ты пошутил, бахши? С дутаром к хану, как к родственнику на свадьбу! Ха-ха! Это, правда, смешно! Вот вышла бы потеха, если бы ты поехал к хану, как сейчас говорил, да сыграл ему две-три песни. Спору нет, песни получились бы на славу. Вот что, ребята: судить больше нечего. С утра готовьтесь выступать!

— Готовы! Мы все готовы!

— Нет, я скажу до конца, если решил сказать! — возвысил голос бахши. — Я не шучу. Я поеду к хану. Слушайте. Поеду не для того, чтобы шею перед ним сгибать. Явлюсь к нему с высоко поднятой головой. Не унижусь ни перед ханом, ни перед кем другим. Каждую минуту буду вас помнить, буду чувствовать вас у себя за спиной. Я сразу скажу о вашем решении, о смелом духе моих друзей. Я мог бы, скажу ему, прибыть с отважными из отважных, мог бы деньги привезти в хурджинах, но не захотел ни того, ни другого, а явился — вот с чем. Я покажу ему дутар.

— Ого-о!

— Выслушает ли он тебя?

— Ну, ну, потом что?

— И тогда примусь точить его нутро, — продолжал Шукур. — Начну расставлять сети вокруг хана. Лишь бы только он позволил мне говорить языком моего дутара. Обстоятельства подскажут, что делать дальше. Так и решил. Решение моё неизменно, друзья мои, — твёрдо закончил Шукур.

Среди мужчин воцарилось молчание. Тишину нарушил одинокий голос — заговорил молодой человек, сидевший по ту сторону порога. Он сказал, что хан просто отнимет у бахши дутар, разобьёт его вдребезги и всё будет потеряно. Чолак-Батыр, не спеша, отхлебнул чала из деревянной чаши, поданной Дурсун, посмотрел сквозь дымоход на звёзды

и глубоко вздохнул. Старики сидели, опустив бороды до кошмы. Безмолвствовал и бахши, высказав всё, что думал. Наконец от стены поднялся старый Ораз-ага. Он встал на колени, положил руки на плечи рядом сидевших юношей и начал говорить. Его никто не перебивал. Все уважали его за справедливость, за мудрое суждение в делах. Он редко вмешивался в беседу, а когда говорил — его слушали.

— Люди! «Порою хитрость храбрости выше». Это слова Махтум-Кули. Если поразмыслить на том, что сказал Шукур-бахши, то станет ясно: бахши собирается воспользоваться советом великого Махтум-Кули. Мы не робки душой, гордимся отвагой и впредь будем гордиться, и никто из нас не помыслит отступить от заветов предков. А самый отважный из предков наших так говорил в своё время: «Бывает в отступлении пользы в сто раз больше, чем в натиске». Так Гёр-оглы сказал. Непобедимый Гёр-Оглы! Откуда нам ждать успеха? — Передохнув, Ораз-ага взмахнул рукой и закончил с большим воодушевлением: — С богом, Шукур-бахши! Поезжай! Скажи ему: я мог бы напасть на тебя с отборными воинами и взять своего брата, но я пренебрёг этим, а приехал с дутаром, чтобы сыграть тебе. Хан трепещет за свою жизнь. Пусть он попробует не выслушать тебя. Пусть только руку на тебя поднимет. А на что же мы? Не дрогнет и наша рука! Мы готовы. Мы будем ждать с минуты на минуту... Добрые люди! Бахши уверен в своей силе. Наш долг и мужество теперь в том, чтобы поддержать его. Суждения были разные. Речь мужчин была разумна и смела, как подобает мужчинам. Мы пришли к заключению. Счастливой дороги, бахши!

Так неожиданно завершилась беседа. Большинство осталось противниками такого решения. Чолак-Батыр сидел хмурый. Молодые поглядывали на него из-под шапок, не повернёт ли он всё дело на свой надёжный путь. Но и он был бессилён вступать в спор с непоколебимым бахши и вставшим на его сторону Ораз-ага. За Ораз-ага всегда оставалось последнее слово. Так случилось и теперь. Впервые народ недоволен был своим сазандаром и не скрывал своего недовольства. Но ничего не оставалось делать, кроме как благословить его на удачу. Чолак-Батыр встал, опустив голову. Встали и другие. Глядя в просвет двери, откуда пробивалась утренняя заря, Батыр сказал с печальной укоризной:

— Ты совершаешь ошибку, бахши-джан. Большую ошибку! Что ж, попытайся; мы желаем тебе добра. А если ничего у тебя не выйдет, тогда наш черёд. Люди готовы.

Последние слова он произнёс уже за порогом и, не прощаясь ни с кем, повернул за кибитку. Народ поднимался, в кибитке стало тесно, и непонятно было, кто кому и что говорил на прощание. Бахши расслышал у себя за плечами голос, ободривший его:

— Пусть твоё мужество приведёт к успеху!

Провожая гостей, он, как и раньше, радовался тому, что друзья не забыли его в трудный час, пришли и заявили о готовности выручить пленника. Он принял своё решение и до конца остался непоколебим. Он сознавал рискованность задуманного, испытывал волнение, думал каждую минуту о том, что он скажет хану, что тот ему ответит, и, прежде всего, допустит ли хан к себе его, простого туркменского музыканта, имени которого за горами, может быть, не слышали. Размышляя так, он, однако, не колебался в том, что решил; хотя было бы проще всего довериться испытанным воинам. Они-то наверняка выручили бы брата.

Брат дал ему в руки дутар. Он содействовал славе сазандара. Эта мысль первая пришла в голову Шукур-бахши, когда он узнал о несчастье. Брат и должен быть спасён не иначе, как только с помощью дутара.

— Если я сам не освобожу Берды, я не посмею больше называться его братом, — сказал Шукур-бахши, прощаясь с последним гостем.

3

Бахши не бывал в набегах и походах. Пришлось расспрашивать о дороге знающих людей. Они объяснили ему. Дорога будет сто раз кружить, поворачивать туда и сюда, пока не пересечёт самую большую гору, вершина которой видна отсюда. Надо ехать по дороге, ущельем. Чем дальше к югу, оно будет всё шире и шире, а когда перейдёт на равнину, встретится селение. Оттуда полперехода до ханской крепости.

Собираясь к хану, Шукур оделся совсем не по-праздничному. В простом чекмене, в косматой папахе, с дутаром через плечо, он сел на добрую старую лошадь, которую давно уже не брали в боевые походы.

Немалая отвага требовалась от того, кто решался ехать в одиночку этим путём. Здесь не часто проезжали всадники, а если ехали, то целыми отрядами, с ружьями наготове, на скакунах, быстрых как ветер. А он поедет один, и оружие его — двухструнный деревянный дутар!

Ранним утром народ провожал бахши. Старые и молодые, юноши, дети и женщины долго стояли на дороге, глядя ему вслед. Не было в толпе только Чолак-Батыра и его самых ревностных сподвижников, которых особенно огорчало то, что откладывается поход. Они убеждены были, что похода не миновать, что без них не обойдутся в таком серьёзном деле, на музыканту взбрела в голову сумасбродная мысль, которая, наверное, заставит его разделить участь брата.

И в кучке людей, устремивших глаза на дорогу, продолжался вчерашний разговор:

— Удача ждёт его, или новое несчастье падёт на нашу голову?

— Как поступит бахши, прибыв к дому хана?

— Таким способом вряд ли он сумеет добиться своего.

— Один бог знает, как там пойдёт дело.

— Бахши едет с уверенностью — быть может, громкую славу привезёт народу?

— Общее наше горе — и слава общая. Лишь бы сам воротился целым, — вот чего пожелаем в первую очередь.

Таковыми речами напутствовали музыканта провожавшие, а он удалялся не оглядываясь. Старая лошадка ещё помнила дорогу. Скоро Шукур приблизился к горам, вершины которых освещались в этот час восходящим солнцем. Погружённый в размышления, он не заметил, как тёмные тени гор обступили его со всех сторон.

Куда ни взглянешь — утёсы, пластами сложенные высокие стены, подавляющие своей мощью. Вот она, нестареющая мощь земли, опора неба! Хотя бахши и вырос неподалёку, слышал много рассказов охотников и воинов, не раз вдохновлялся красотой горных ущелий и долин и даже сложил о Копет-Даге несколько песен, однако до сих пор ему не приходилось любоваться так близко суровым величием этих ущелий и утёсов. Серые, жёлтые, коричневые скалы то поднимались к небу рядами, то громоздились беспорядочными глыбами. На их уступах росли деревья. Зелень деревьев радовала глаз, напоминая о живом. Непонятно было, как могут жить растения на голом камне, откуда они берут влагу, как их корни держатся на этих стенах, плотностью не уступающих железу. По преданию, Хезрет-Али шашкой рассёк горы, отчего и образовались эти ущелья. Другая легенда гласит, что эти горы преграждали путь влюблённым. Они сидели на камне у подножья горы и проливали слёзы. И слёзы проточили камень. В этом было не больше правды, чем в легенде о Хезрет-Али, но бахши при воспоминании о влюблённых становилось грустно.

Затерянный в теснинах Копет-Дага, бахши поднимал взор, оглядывая вершины. Временами необъяснимая тоска сдавливала ему грудь. Проехав ещё немного, он решил взобраться на самую высокую гору, чтобы посмотреть оттуда на свою страну. Он привязал к кусту лошадь и, цепляясь за камни, добрался до вершины облюбованной горы. Теперь он стоял высоко над Кара-Кумами. Здесь в полную силу светило солнце. Как-то по-новому легко дышалось. Он увидел родное селение, тёмные точки кибиток и арыки, протекающие по знакомым полям. Дух захватывало от высоты и от волнения при виде родного, теперь отодвинувшегося так далеко жилья! Вернётся ли он когда-нибудь снова в Туркменистан? Будет ли сидеть в переполненной народом кибитке, радуя музыкой сородичей?

Бахши не испытывал раскаяния в том, что решился на эту поездку. Он был уверен в себе, как никогда. Он знаменитый и всеми признанный музыкант; его восторженно встречали во всех подгорных селеньях, в Мары, у местных племён — салоров и сарыков. Ему давно хотелось побывать в Хиве и в иных местах, где он не бывал ещё. И вот он едет на поединок с ханом. Это будет поединок наподобие сражения воинов, но в предстоящей борьбе он

намерен применить своё оружие — дутар. Первые люди родной земли — богатыри — усомнились в превосходстве дутара над шашкой. Они остались там внизу со своим сомнением. Они во многом правы. Эти люди лучше бахши знают нрав хана, но он не дал им убедить себя и теперь стремится за горы, как безумец, уповая на свой дутар. Однако и теперь в душе его нет колебаний. Он стоит на высокой горе, улыбается лёгкому ветерку, овевающему лицо, а где-то в глубине его сердца зарождается торжественная мелодия, в которой отражена красота родных гор, верность любимому человеку, — песня правды и силы. Хан будет покорён, когда он заиграет эту песню!

Однако пора было спускаться в долину, продолжать путь. Он ещё раз кинул взгляд на тёмные сады внизу, на стадо, бродившее в долине, и на безбрежную даль Кара-Кумов, распростёртую к северу от Копет-Дага. Горы, горы! Незаметно для себя самого, словно повинаясь внутреннему побуждению, Шукур снял с плеча дутар и заиграл песню Гёр-Оглы «Горы древние». Заиграл и запел так громко, что не будь между ним и туркменскими селеньями многочисленных холмов, преграждавших путь его голосу, друзья, оставшиеся на равнине, услышали бы его и пережили бы то же настроение, какое владело им. Он пел:

Туры	мои,	скорее	в	бой!
Горные	склоны		дрожа	дрожат.
Занять	проходы,		стать	стеной, —
Горные склоны дрожа дрожат.				
Когда	грохочет		град	боёв,
И	топчет	маки	сталь	подков,
И	шашки	бьют	в	щиты
Горные склоны дрожа дрожат.				
Когда,	чтоб	степь	багрить	вином,
Садится		Гёр-Оглы		верхом
И	в	битву	мчится	напролом, —
Горные склоны дрожа дрожат.				

В ущелье конь встретил его тихим ржанием. Десятки раз ходивший здесь в своей молодости, он уверенно пошёл по каменистой тропе, унося путника всё дальше, в глубь Копет-Дага. «Кто идёт, тот и пустыню перейдёт...»

4

Сазандар остановился у ворот крепости. Пока что ему сопутствовала удача. Злые люди не попадались на дороге. Встречные спрашивали, куда он держит путь и зачем, он отвечал, и ему указывали, как следовать дальше.

Вот она, ханская крепость. Нет, не так принимают гостей, которых ждут, нетерпеливо поглядывая на дорогу. Бахши даже не успел разглядеть по-настоящему ни городских построек, ни крепости, ни её высоких стен. Он с трудом добрался сюда, лошадь была так утомлена, что едва переставляла ноги. Но она дотянула до места. Казалось, останься ещё сотня шагов, — лошадь не выдержала бы, свалилась.

Схватив лошадь под уздцы, стражники бросились на Шукура с двух сторон и стащили его с седла. Один из них сорвал с плеча музыканта дутар, вытащил его из чехла, посмотрел удивлённо на инструмент, затем на странного путника и швырнул дутар на землю. Диковинная вещь — всадник-туркмен появился здесь с такой безделицей и без ружья! На всякий случай стражники обыскали одежду Шукура, пошарили в складках чекменя, развязали кушак, но, к великому огорчению, ничего, достойного внимания, не нашли. Даже обыкновенного кинжала не было у необычного гостя.

— Откуда? Куда едешь? Что за человек? — спрашивали его.

Шукур посмотрел на дутар, валявшийся под ногами, подумал о том, не повредили ли его слуги хана, когда бросили на землю, нагнулся, поднял инструмент и с достоинством отвечал:

— Приехал я оттуда, из-за гор. Приехал к хану. Проводите меня к нему.

— Ого-о! К самому хану?

Стражники ещё раз попытались узнать, кто он такой, но Шукур, не желая с ними разговаривать, потребовал доложить о нём самому хану.

Мамед-Яр-хан был в своих покоях. Там царила мёртвая скука. Каждый день одно и то же. Нечем было развлечься, нечем потешить себя. Хан имел красивых жён — они ему надоели. Он держал в своей свите несколько искусных певцов и музыкантов, — но он уже слушал их тысячу раз; они пели одно и то же и прискучили ему. Знатные гости давно не заезжали. Хан скучал. Он сам не сумел бы сказать, что может его развлечь, прогнать тоску. Требовалось что-то новое, но эти тунеядцы, окружавшие его, нового не умеют придумывать.

И вот вбежал запыхавшийся начальник стражи, упал в ноги хану и, когда ему позволили встать, сказал:

— Хан-ага! У ворот какой-то бродяга просит позволения допустить его к себе.

Это было неожиданностью. Утомлённые глаза хана открылись шире. Он обрадовался, тотчас велел привести приезжего в покои. Однако стражник не уходил. Он намеревался ещё что-то сказать. Хан заметил, что этот медлит, нетерпеливо крикнул:

— Что ты молчишь? Веди ко мне приезжего, живо!..

Начальник стражи должен был сказать, что он не дознался, что это за человек. Он туркмен. Приехал один, безоружный. На все вопросы отвечает одно: «Ведите меня к хану!»

Хану показалось удивительным появление одинокого всадника из-за гор. Что могло привести его сюда? Может быть, он отказался от своего народа и ищет его покровительства? Или он привёз золото, чтобы выкупить пленных?

— Приехал один? — недоверчиво спросил хан. — Никого поблизости не видно? Никаких донесений от дозорных не поступало? Один и без оружия?

— Да, так. У него старая лошадёнка и дутар, больше ничего.

— Дутар? — удивился хан. — Он с дутаром? — В глазах хана вспыхнула искра интереса. — Веди его сюда.

Начальник стражи побежал. Хан нетерпеливо поднялся с места; он и сам, казалось, готов был бежать к воротам. Он толкнул широкую дверь и крикнул кому-то из приближённых, чтобы тот поторопил стражников. Ему не терпелось увидеть гостя.

Входит сазандар. Он приветствует хозяина, тот отвечает ему; оба рассматривают друг друга. Молча садятся. Молчание длится некоторое время, но оно, видимо, не тяготит ни того, ни другого. Хан впился глазами в музыканта. Перед ним сидел молодой туркмен, одетый в чекмень из верблюжьей шерсти. На голове высокая чёрная папаха с крупными завитками, на ногах сапоги, расшитые иранским узором. На одежде заметны следы долгого пути. Гость устал, но у него приятное лицо, и, что более всего поразило хана, — уверенность, спокойствие на лице. В выражении его глаз чувствовалась даже какая-то беспечность. «Кто же он такой? — думал хан. — Обыкновенный музыкант, случайно забредший в эти места, или он ищет покровительства? Дутар... Но дутар может служить для прикрытия каких угодно целей».

«Пусть разглядывает меня, если ему охота, — думал в то же время бахши. — Я не плешив, не слеп, одежда хоть и не богатая, но исправная. Ничего унижительного в этом нет». Он и сам рассматривал хозяина, оценивал роскошь убранства и время от времени смотрел хану прямо в глаза. Множество дорогих вещей, собранных в одном помещении, вызвали удивление бахши, но он не показывал этого.

— Так, гость мой! Милости просим начать приятную беседу, — прерывая затянувшееся молчание, сказал Мамед-Яр. И первый задал вопрос: — Кто вы такой?

— Я музыкант, хан-ага, — отозвался Шукур, не меняя позы и не поворачивая головы. — Таково моё ремесло в моей стране.

— Какое у тебя дело ко мне? — спросил хан.

— Дело небольшое, хан-ага, — также спокойно отвечал туркмен. — Я приехал сыграть тебе две-три песни, какие я знаю. — Он сделал небольшую паузу. — И ещё, кроме того, в твоих руках находится мой родной брат. Я хотел бы увести его отсюда. Вот и всё. Других дел у меня нет.

— Родной брат твой?

— Прошло одиннадцать дней, как он попал в плен, и теперь находится у вас...

— Вот каково твоё дело? — широко улыбаясь, заговорил хан. — Поэтому ты и приехал играть мне песни? Дорого ценишь свои напевы, ха-ха! Теперь я понимаю тебя. За братом явился?

Хан откровенно смеялся, и у дверей, как эхо, откликался ему начальник стражи.

— Вас так рассмешило моё признание, хан-ага?! — с нескрываемым огорчением сказал бахши.

— Разве нельзя посмеяться, — ответил хан, — когда приходит такой гость, да ещё с такими песнями? Разве ты не смеялся бы, будучи на моём месте? Я готов поклясться хоть самым аллахом, — положение довольно смешное.

Как ни неприятны были Шукуру насмешки хана, он сумел совладать с собой. Главное было то, что он добился первого успеха, хан его принял и выслушал. Теперь нужно было позаботиться о дальнейшем. Подтвердив снова, как это ни казалось забавным хану и его стражнику, что он прибыл сюда со своим дутаром лишь для того, чтобы хан послушал его музыку и отдал ему брата, Шукур-бахши добавил, что ту же цель он мог бы осуществить и другими средствами.

— На что ещё ты мог рассчитывать, интересно знать? — обратился к нему начальник стражи.

— Друзья предлагали мне иное средство, — откровенно признался бахши, — но я не послушал их совета, а приехал сюда именно так, а не иначе. Это будет надёжней, решил я, и сородичи поддерживали меня. Дутар безобидней, чем шашка или ружьё, стрельбою из которого так славятся мои земляки.

Некоторое время прошло в тяжёлом молчании. Наконец хан спросил напрямик: как бахши мог бы воспользоваться для освобождения брата тем, иным средством, о котором он сейчас упомянул. Хотя и без объяснений понятно было, что туркмены собирались сделать. Шукур принуждён был повторить ещё раз: если бы он пожелал, то сюда пришли бы отборные воины-туркмены, люди на редкость храбрые и хорошо вооружённые. Они попытались бы силой выручить пленника. Хан наморщил лоб, зачмокал губами. Вид у него был такой, словно он никогда в жизни не способен был на улыбку. И его выхоленная борода Шукуру показалась вдруг полинявшей. У самого подбородка на корнях волос явственно обозначались пятна хны, окрашивавшей бороду. Малоподвижные глаза хана были устремлены на гостя. Взгляд их не сулил ничего хорошего.

«Неужели он не догадывается, что я брошу его в темницу, связав так, как связывают баранов перед убоем? — размышлял Мамед-Яр-хан. — Для чего он мне всё это рассказывает с таким простодушным видом? Не запугать ли хочет, глупец? Смешная угроза! А сам приехал на худой кляче, со своим жалким дутаром. Нет, гость, ты не вырвешь у меня своего брата. Нет, наивный человек, скорее ты сам останешься рядом с братом. Вот кого подлинно следует проучить! Как он разговаривает с ханом? Словно перед ним не всесильный владыка, а туркменский пастух. Он приехал с угрозой! Странно: как он решился появиться у меня в таком виде?»

— Подтверди ещё раз, мой гость: действительно ли ты музыкант или ты пошутил? И правильно ли я понял, будто ты предпочёл выручать брата, играя на дутаре, а не иначе? — не повышая голоса, опять обратился хан к гостю.

— Да, так, хан-ага, всё в точности так, как вы изволили сейчас сказать, — невозмутимо ответил гость. — Если говорить до конца, я мог бы принести сюда хурджины с выкупом, пригнать верблюдов, нагруженных коврами. Вполне мог бы, но я отказался и от этого.

— Почему же?

— Потому, что самое дорогое для туркмен не ковры, не жёлтый и белый металл, самое дорогое у нас — музыка. В этом я убедился на опыте. И об этом мы рассуждали с друзьями, когда я собирался ехать. Разумеется, я знал, куда еду, я много раз слышал о том, что почтенный Мамед-Яр-хан сам любит музыку и умеет ценить её по достоинству. — При последних словах Шукур-бахши быстро взглянул в глаза хану. — Это был второй, заранее рассчитанный удар.

— Откуда это известно тебе? — живо спросил хан.

— Все у нас так говорят, и не только в нашем краю, а и в других местах. Славу скрыть нельзя, если слава налицо.

— Что же ещё говорят там, за горами?

— Многое говорят.

— Обо мне?

— Да!

— Что известно обо мне туркменам?

Бахши хотел сказать о справедливости и личной храбрости Мамед-Яра, но это было бы совсем немыслимой ложью, так как туркмены считали Мамед-Яра последним трусом. Бахши поколебался немного, глядя на широкое раскрасневшееся лицо хана и на его топорщившиеся усы. Медлить с ответом было неприлично. Его могли заподозрить в неискренности, и он быстро нашёлся:

— Говорят, что вы левша.

Хан громко засмеялся. Сказанное бахши хоть и не существенно было само по себе, но оказалось правдой. И это ничтожное обстоятельство вновь расположило хана к собеседнику.

Не собираясь менять придуманного им способа наказать туркмена за угрозы и бесцеремонное появление в крепости, он всё же немного смягчился и в дальнейшем слова свои неизменно сопровождал улыбкой.

— Выходит, правда и то, что ты приехал так далеко затем, чтобы сыграть мне две-три песни.

— Сущая правда!

— Знаешь ли ты, что человек, за которого ты приехал просить, виновен предо мною?

— Знаю!

— Если так, то знай — виновный всегда дорог тому, перед кем он провинился.

— И это я знаю, хан-ага!

— Хм, — промычал хан. — Ты, видно, смелый человек! Ты приехал отвоевать у меня своего брата дутаром?!

— Поистине так, хан-ага! — воскликнул Шукур и, положив руку на дутар, прибавил: — Моё оружие перед вами — вот моё оружие!

— Нет. Брата тебе не удастся взять! — по-прежнему улыбаясь, отрезал вдруг Мамед-Яр-хан.

— Если так... — растерянно проговорил Шукур. — Если так... — Он не знал, что сказать, и не представлял себе, как дальше развернутся события. Он был во власти хана, сознавал своё бессилие перед властным и коварным человеком.

— У меня есть один музыкант, — ласково заговорил опять Мамед-Яр-хан. — И ты назвал себя музыкантом, не так ли? Тебе придётся состязаться с моим музыкантом. Победишь его своей игрой — тогда, делать нечего, бери брата и устраивай в своём доме весёлый той. Если же окажешься побеждённым, тогда... — он не договорил, что тогда будет с Шукуром, только развёл руками и оглянулся на начальника стражи. Тот наклонил голову и хищно оскалил зубы. Шукур-бахши не обратил на это внимания.

— Я согласен, хан-ага! — быстро ответил он. Он не спросил даже, с кем ему придётся состязаться в игре. — Я согласен, а если буду побеждён, делай со мной что хочешь!

Хан изумился, у него даже мелькнула мысль: не лишился ли Шукур здравого рассудка. На всякий случай хан счёл нужным сообщить ему:

— Ты будешь состязаться с Гулам-бахши. Слышал ли ты это имя?

— Имя знакомое, а как играет Гулам-бахши, я не слышал, — ответил Шукур-бахши и тотчас сообразил, что поединок будет далеко не лёгким. Гулам был прославленным музыкантом, за горами не раз упоминалось его имя.

— Вот и всё, — заключил хан. — Будь готов к состязанию. Я назначаю его на завтра и сам буду судьёю. Люди говорят, что я кое-что смыслю в тонкостях вашего ремесла. Ты сам сказал, что об этом слыхали и у вас за горами. А теперь ты пойдёшь отдыхать. Ночь — твоя.

Мамед-Яр велел отвести Шукура в покои для гостей, накормить его и дать постель. Шукур встал, поклонился хану и, когда поднял голову, вновь прочитал на его лице дурные намерения.

5

Шукур не мог рассчитывать на лучшее к себе отношение. Теперь всё будет зависеть от него самого. Мастерство Гулам-бахши велико, о нём он слышал ещё мальчиком. Победить его, причём перед лицом судьи, явно расположенного к этому прославленному сазандару, представлялось почти несбыточной мечтой. Разве не насмешкой звучали слова хана, когда он сказал: «Победишь Гулама — бери брата и уезжай домой...»?

Его привели в тесную комнату, с разостланной на полу кошмой, на которой едва можно было поместиться одному человеку. Почти у самого потолка светилось оконце, такое маленькое, что в него можно просунуть только кулак. Паутина, застилавшая стены, показывала, что здесь давно не было людей. Здесь и поместился Шукур-бахши со своими невесёлыми мыслями и своим дутаром. Слуга принёс зелёного чаю, половинку чурека и миску с чечевичным супом. Есть не хотелось. Но Шукур заставил себя выпить чаю и поел немного супа. Он невольно сравнивал себя с конём, у которого перед скачкой дрожат ноги, а сердце от волнения стучит так, словно готово вырваться из грудной клетки. Он мысленно утешал себя. До сих пор ничего страшного не случилось. Если хан верит в своего сазандара, то он, Шукур, верит в самого себя. Ему дают возможность играть, а он ведь и ехал сюда, и ещё дома отклонил совет преданных храбрых друзей, мечтая именно об этой возможности: воевать с ханом с помощью дутара. Если бы он боялся встречи с лучшими музыкантами, он не стал бы противоречить Чолак-Батыру, поблагодарил бы от души его и всех джигитов и вместе с ними прибыл бы в крепость иным путём.

«Нет, Хан-ага, — мысленно обращался к Мамед-Яру бахши, — ты ещё не унизил меня, не запугал. Я искал состязания с такими знаменитыми людьми, как Гулам. Я недаром поклялся освободить брата вот этим оружием. — Бахши одним пальцем прикоснулся к дутару и с нежностью посмотрел на него. — Я исполню клятву, а если буду побеждён, — без сожаления приму всё, что пошлёт судьба. Только бы ты сам, Мамед-Яр, стоял на своём слове. Будь честным судьёй — и Шукур ни о чём не станет сожалеть. Пусть хоть сейчас приходит Гулам-бахши!» Шукур отодвинул остывший чайник, встал с кошмы, огляделся. Наверху зиял узкий просвет окна, виднелась большая звезда и несколько менее ярких вокруг неё.

Он вспомнил, что его привели сюда, когда ещё светило солнце. С тех пор никто не приходил к нему. Комната наполнилась тьмой. Тихо вошёл уже знакомый слуга со светильником, в котором неярко горела нефть, поставил его на пол и молча удалился. Царила полная тишина. Бахши походил немного из угла в угол и, ощутив усталость, опустился на кошму. Мягких перин ему не дали, он и не хотел их. Шукур не спал две ночи, поэтому, едва он растянулся на кошме, его одолел крепкий сон.

Проснулся он, когда за окном уже разгорелся дневной свет. Вчерашние мысли тотчас вернулись к нему.

«Ханский бахши, Гулам-бахши», — твердил он, поднимаясь с кошмы. «Если за спиной борзой хороший хозяин, она возьмёт и волка», — так говорит пословица. За спиною Гулама — Мамед-Яр-хан, но Шукуру не страшно, так как за спиною Шукура — отважные джигиты, которые никогда не боялись хана. Но сам Гулам — опытейший дутарист. Никто из слышавших его игру не упоминал его имени, не присовокупив самой высокой похвалы.

Извне доносились голоса. Крепость пробуждалась. Бахши тихо заиграл на дутаре, чтобы сократить время. Потом отложил дутар и снова стал думать о предстоящем поединке и о том, что ожидает его. Побродив по тесной комнате, он решил выглянуть в окно, приподнялся насколько мог и увидел пустынный простор, расстилавшийся за крепостным валом. Дальше синел Копет-Даг. Бахши отыскал глазами ту гору, где он отдыхал на пути и тешил душу богатырской песней Гёр-Оглы. По ту сторону гор остались друзья, семья, родной край — всё, чем он жил тридцать лет.

Непривычному для него одиночеству, казалось, не было конца. Никто не входил к Шукуру, и он вдруг подумал, не посадили ли его просто-напросто в тюрьму. Вполне могло оказаться, что эта узкая комната предназначалась для пленников, и ему уже не выбраться отсюда. Если так, если он обманут ханом столь грубым образом, — весь план его рушится; он не только не сумеет вырвать из плена своего брата, но и сам едва ли скоро увидит родной дом. Вид и убранство комнаты поддерживали в нём эту мысль.

Чтобы сократить тоскливый досуг, Шукур снова взял дутар и стал подбирать новые мелодии. Они соответствовали его душевному состоянию. Легко складывался новый мотив, то гневный, то печально-взволнованный. Отрывочные фразы новой песни наполнили тесную комнату. «Что это такое? — спрашивал себя бахши. — Это моя смертная тоска. Может быть, впоследствии, если кто услышит, назовут эту песню „Смерть сазандара“ или другим именем, обличающим жестокость и коварство всех ханов мира».

— Гость уже проснулся? — приветствуя его, переступил порог молодой человек.

Шукур прекратил игру и посмотрел на вошедшего. Это был юноша лет двадцати, довольно приятного вида. Никаких дурных намерений на лице его нельзя было прочесть.

— Я давно жду вас, — просто и даже весело сказал Шукур в ответ на приветствие. — Я скучаю, а ко мне никто не идёт.

— Как ваше самочувствие? — участливо спросил юноша. — Вам известно, что хан выразил желание собрать весь город, как на торжество, на ваше состязание с Гуламом? Гулама ещё ночью пригласили к хану, они долго беседовали.

— Он готов, он пришёл? — запальчиво спросил Шукур, взявшись за гриф своего инструмента.

— Он скоро будет, — сообщил юноша и, оглядев с ног до головы Шукура, счёл нужным предупредить его. — Гулам придёт сегодня в самой лучшей готовности. Будьте готовы и вы.

— Видно, большая сила этот Гулам-бахши, — заметил в раздумье Шукур. — Все о нём так говорят.

— Он очень силен! У нас здесь никто не решился бы состязаться с ним. Бахши на сто вёрст обходят нашу крепость, боясь осрамиться, — рассказывал юноша. — Но вы из другой страны, вы, может быть, также искусны в музыке.

— Я не ханский бахши!

Шукур засмеялся. Молодой человек ещё раз дружелюбно посоветовал ему не забывать о силе противника, затем сказал, что пора идти. Они направились к бахши, который уже напился чаю и подкрепился едой. Выходя из крепости вместе с юношей, Шукур обронил вполголоса:

— Попытаюсь!

6

Тёплый осенний день сиял над миром. Природа радовала взоры. Небо было безоблачным, густой исцеляющий зной струился от солнца. Людям казалось, что вернулось лето. Возле хауза с чистой водой, в тени огромной чинары, раскинувшей свои ветви над широким крепостным двором, собирался народ. Рядом с водоёмом высился глинобитный помост, устланный коврами. Ковры лежали не в один, а в пять и в десять рядов. Среди них бахши сразу заметил ковры туркменской расцветки. С любопытством разглядывая окружающее, он всё чаще задерживал взгляд на коврах, привезённых с его родины. Ему казалось, что они излучают тепло. От них не хотелось отрывать взгляда.

Для Шукура не нашлось места на туркменских коврах. Его посадили на бледный коврик, несколько поодаль от нарядного помоста, где сидели, развалясь, богачи из личной свиты хана. Многие курили, не вынимая изо рта чубуков. Дым вился узорами и расплывался клубами. Они курили «шёлковый табак» и вели неторопливую беседу. Порою кто-нибудь указывал концом трубки на туркменского музыканта, и все обменивались взглядами и улыбками. Противник его пока не появлялся, но народ прибывал, и все осматривали Шукура как диковинного зверя. Каждый давал ему оценку. Наконец с помоста раздались голоса:

— Смотрите!

— Бахши!

— Гулам-бахши!

Гулам ехал на пышно разряженном сером муле, свесив ноги на одну сторону расшитого седла, небрежно держа оправленный в серебро, с кистями на верхушке грифа, прославленный дутар. Мул был длинноухий, чистый, словно его мыли каждый день. Один слуга вёл мула в поводу, двое шли по бокам, готовые к услугам ханского бахши. Навстречу встали поклонники, приветствуя Гулама и громко воздавая ему хвалы. Шукур слегка вздрогнул от этих криков. Он был одинок на шумном сборище, и эти любители музыки давали ему чувствовать его одиночество. Ни один не встал с места, когда он подошёл, никто не открыл рта для приветствия. Его только рассматривали с назойливым насмешливым любопытством. Вся обстановка действовала на него удручающе. Стараясь успокоиться, Шукур взял в руки пиалу, налил в неё чаю, перелил его дважды из пиалы в чайник и обратно и не спеша стал пить. «Интересно, какой ответ дал бы я храброму Чолак-Батыру, предложи тот свой план сейчас, вот в эту минуту», — подумал Шукур-бахши и улыбнулся. Между тем Гулам уже приблизился и искоса взглянул на него. Ханский бахши сделал вид, что его и без того приятное настроение ещё более поднялось. Он добродушно осклабился. Ему помогли сойти на землю.

Пятидесятилетний румяный Гулам-бахши выглядел молодцом. Он был только излишне толстоват: мясистый подбородок его свисал подобно слоновьему хоботу, а на затылке у Гулама можно было точить бритву. С трудом вмещался он в добротный синий чекмень. Борода красиво подстрижена и, по обычаю знатных представителей его страны, окрашена хною. На среднем пальце правой руки блистало кольцо, которое, наверное, переливалось ещё ярче, когда он играл на дутаре. Он приблизился, протянул руку туркменскому бахши и сказал обычные слова приветствия. Шукур встал, подал руку и с достоинством ответил на приветствие.

— Как ваше имя?

— Меня зовут Шукур.

— Шукур, говорите? Шукур? — переспросил ханский бахши, потирая ладонью лоб. — Я как будто слышал ваше имя. Из Аркача? Очень хорошо! Наш хан так любит музыку!

— Прослышав о его любви к музыке, я и приехал сюда, — сказал Шукур. — К счастливому племени тянутся музыканты, а к несчастному — враги. — Он нарочно громко сказал эту пословицу, чтобы хан, шествовавший к своему месту, услышал его слова.

Ханский бахши вспомнил о своём намерении побывать когда-нибудь у туркмен. Шукур одобрил его намерение, добавив, что в его стране музыканта уважают не менее, чем в любой другой стране. Они разговаривали стоя. Шукур недоумевал, почему противник его не садится на ковёр, и сам из учтивости не решался сесть раньше его. Но вот принесли перину, обшитую голубым шёлком, и постелили на ковёр. Гулам-бахши подогнул колени и глубоко вдавил своё грузное тело в мягкую перину; затем, подобрав её края, указал туркмену место рядом, на коврике.

— Я что-то не припомню, кто у вас славится теперь игрою, — продолжал он с прежним деланным добродушием. — Кто там у вас ныне самый знаменитый?

— Мы не слишком разборчивы, — лукаво ответил Шукур. — У нас просто делается: кто взял в руки дутар, тот и музыкант.

— Ты прав, гость-бахши, ты прав на редкость! — Гулам захохотал и, оглянувшись на высокий помост, громко прибавил: — Бывают страны, где каждого, кто берёт в руки этот инструмент, называют великим музыкантом, где спящих под открытым небом босяков зовут ханами, а трусов именуют батырами.

Важные гости выпустили изо рта чубуки, чтоб посмеяться. Один из них что-то ещё прибавил к словам Гулама; все хохотали, колыхая тяжёлые животы.

— Трудно вам возразить, — с видимым смирением сказал Шукур. Но он не собирался оставаться в долгу у этого избалованного слуги хана. — Возразить, кажется и нечего. Только, если говорить правду, я встречал множество трусов, которые при слове «поход», как

один, берутся за оружие, садятся на коней, идут в бой и бьются до полной победы над врагом. Я готов поклясться аллахом, что эти трусы живут именно в той стране, о которой мы с вами беседуем, бахши-ага.

Шукур тоже говорил полным голосом. Смех среди придворных прекратился. Они прислушивались к смелой речи приезжего и оглядывались на хана. Хан брезгливо морщился, то подымал, то опускал седые усы и не сводил глаз с музыкантов. Пора прекратить пустые разговоры. Пора указать туркмену его место. Хан поднял голову. Полулёжа на ковре, опершись на локоть, он обратился к бахши и к народу. Он сказал: «Можно начинать», — и объявил условия.

— Сазандары будут играть вместе. Один поведёт мелодию, какую он сам выберет, другой должен идти следом, не нарушая ритма и не отставая ни на один удар от ведущего. Право выбирать мелодию и задавать тон предоставляется сперва одному, затем другому, по очереди. Кто победит?! — воскликнул хан, и широкое лицо его дёрнулось насмешливой улыбкой. — Кого из двух признаем лучшим, тот получит награду. Туркмен по имени Шукур, если он возьмёт верх над нашим бахши, получит родного брата, моего пленника, что сейчас лежит в темнице, связанный по рукам и ногам. Запомните все: такова награда этому дутаристу, если он возьмёт первенство. — Хан поднялся несколько выше и громко крикнул: — Гулам-бахши получит самую красивую туркменскую девушку-невесту, на выбор. Я возьму её любой ценой для Гулам-бахши, где бы она ни находилась. Наше слово — слово!

— Тогда пора посылать за невестой для почтенного Гулам-бахши! — угодливо пошутил один из свиты.

— Слушай, Шукур-туркмен, — обратился хан к бахши. — Я не хочу, чтобы на нашу справедливость ложилась тень, чтобы там, за горами, болтали о нашем пристрастии к своим сазандарам. Поэтому выбери сам из присутствующих здесь людей пятерых судей. Я посчитаюсь с их мнением. Я даже готов отдать им право последнего решения! Эй, Шукур! Сам назначай судей.

— Хан-ага, выслушайте меня, — спокойно попросил Шукур. — Во имя справедливости, о которой я был счастлив услышать, да будет мне позволено призвать в помощь тебе всех, кто будет сейчас слушать музыку. Пусть судит народ. В народе всегда найдутся понимающие и справедливые. Народ поможет тебе в твоём мудром решении.

— И я того же мнения, — вмешался Гулам-бахши, — народ оценит, как оценивал всегда, а мой хан, как всегда, будет на высоте справедливости.

— Ну, что ж, начинайте. Первым пойдёт Гулам-бахши. Слушай, народ, и оценивай дела по достоинству!

Хан опустил на ковёр и приготовился слушать.

Не объявив, что будет играть, Гулам ударил по струнам. Для начала он выбрал вещь, которую исполнял в совершенстве. То была песня «Колыхание граната». Руки толстяка оказались столь ловкими, что нельзя было уловить движения пальцев, — как они касаются струн, как съезжают по серебряному грифу и поднимаются снова вверх, каким образом, в быстром ритме, когда нужно, бахши тычет пальцами в деревяшку дутара. Он играл с высоко поднятой головой, слегка покачивая ею, словно подражая колебанию дерева, о котором пел дутар. Возвышаясь над противником, уверенный в себе Гулам-бахши мог бы привести в смятение любого, даже равного ему по силе музыканта. Не говоря о безукоризненном мастерстве, приёмы, какими он пользовался, были порою необычайно хитры и изысканны.

Он мог подавить соперника уже одним своим видом. Однако туркмен вовсе не оробел перед этим надменным ханским слугою. То, что Гулам обладал блестящим даром, это стало ясно Шукуру с первой минуты его игры. Шукур следил за его пальцами, погружался вместе с ним в волны музыки и легко поддерживал и украшал мелодию своими красками. «Колыханье граната» он сам знал едва ли не от рождения. Туркмены считают эту мелодию своей и убеждены, что она зародилась у племени сарыков. Она была сыграна обоими музыкантами превосходно. Гулам почувствовал, что соперник не только не отстаёт, а скорее,

наоборот, «гонит» его, предлагает, как говорят бахши, «парить выше белого сада». Возымев намерение опозорить туркменский дутар, Гулам старался изо всех сил, пробовал самые замысловатые приёмы, грозно раскачивал головой, кряхтел, а порой издавал громкие восклицания. Шукуру нелегко было гнаться за ним. Хотя он и старался переиграть Гулама, стеснить его в темпе, иногда будто нечаянно бросить новую краску на мелодию, — это давалось ему нелегко, постоянным напряжением.

Они сыграли три, пять, сыграли без отдыха десять песен. Сердца многочисленных слушателей были раскалены. Оба играли превосходно. Мастерство Гулама не решило спора. Он сам как-то очень размяк и вспотел больше, чем его молодой соперник. Он вытер лицо большим, как скатерть, шёлковым платком, глубоко вздохнул и откинулся на перину.

Среди присутствовавших было немало таких, которые с первых звуков приготовились выкрикнуть слова одобрения и благодарности Гуламу. Так было заведено. Но он кончил играть, и никто не произнёс ни звука. Люди шептались между собой. Сотни глаз были устремлены на туркменского бахши. На него смотрели все. Гулам не ожидал такого исхода. Не поднимая головы, он долго с усердием вытирал вспотевший лоб. Унизительно было сознавать, что невзрачный, никому не известный туркмен не уступал ему в мастерстве.

— Теперь ты начинай, сазандар. Гулам-бахши последует за тобою, — сказал Шукуру хан. Хан не скрывал своего разочарования и недоумения. Он добавил, обращаясь к своему бахши, не глядя ему в лицо: — Покажи свою силу, Гулам-бахши. Не раз слышал я, что туркменские мелодии ты знаешь лучше их самих.

Перебирая струны дутара, Шукур размышлял о том, что слава Гулама была не напрасной. Хан не ошибся в выборе бахши. Лёгкость и красоту его исполнения следовало оценить по достоинству. Шукур тихонечко сказал ему об этом и стал думать, чем же и как превзойти его. Переиграть его быстротою смены и разнообразием знакомых мелодий нечего было и пытаться. Мотивов Гулам знал множество, живостью пальцев едва ли уступал Шукуру, — и если бы Шукур переиграл его в отдельных песнях, далеко не каждый со стороны заметил бы это. При равной игре слушатели отдадут предпочтение своему сазандару. Требовалось найти новую мелодию, может быть, тут же сложить её или же попытаться использовать приём, какой Гуламу-бахши оказался бы не по силам. Иначе брата не выручить. Подёргивая струны, Шукур низко опустил голову над дутаром, точно слушая какие-то одному ему доступные звуки. Гулам-бахши продолжал стирать с лица пот и время от времени поглядывал на противника. Ему не нравилось раздумье туркмена. Он понял, что тот к чему-то готовится, и стал торопить его.

— Ты готов? — спросил он нетерпеливо. — Хан ждёт! Все почтенные люди ждут!..

— Готов! Догоняй!

И опять раздалась песня о гранатовом дереве. Гулам понял повторение по-своему. Туркмену было трудно угнаться за ним, когда он с таким неотразимым блеском и лёгкостью гнал вперёд и вперёд эту чудесную мелодию. Теперь туркмен хотел испытать его в тяжкой погоне за собою. Туркмен ошибся. Аллах свидетель, он сам едва успевает убежать от Гулама-бахши. Они сыграли «Колыханье граната» неподражаемо. Шукур, не задерживаясь, подал новый мотив, повёл его сложным путём, — но противник не хотел уступать и не уступил ему ни в одном ударе. Самые головоломные вариации они выводили лад в лад, и казалось немислимым делом оставить Гулама-бахши позади. Чего же дальше ждать от такого состязания? Шукур, пользуясь небольшой паузой, ещё раз побренчал для себя, как бы настраивая дутар, и вдруг лицо его как-то прояснилось. Радостный, уверенный в себе, он громко сказал Гуламу:

— Теперь играй! Последняя мелодия! — и ударил по струнам.

— О святой Али! — прошептал ханский бахши и погнался за Шукуром.

То, что тот играл сейчас, оказалось совершенно непохожим на всё слышанное Гуламом за всю его долгую жизнь. Никто раньше не слышал и не мог слышать этой дивной мелодии. Не из далёкой памяти взял её Шукур-бахши. Он сам слушал её впервые. Она родилась на высокой горе, когда он стоял там, глядя на свой родной край, её звуки сладостно терзали его

душу сегодня утром в тесной комнате, она слагалась окончательно сейчас. Она была в его сердце, в его голове и, как молния, срываясь со струн дутара, летела к замороженным слушателям. Шукур не думал сейчас ни о чём, кроме этой новой, всплывающей из самых потайных глубин его существа мелодии. Он играл так, как мог играть только он один, отдаваясь во власть запывавшего в нём чувства. Гулам-бахши пытался вторить; некоторое время он поспевал за причудливым полётом новой мелодии. Но Шукур приводил его к самым неожиданным поворотам, провалам и подъёмам, и Гулам-бахши невольно вдруг испытал нечто вроде робости. И вот перед ним точно бескрайний ковёр стелет по широкой степи соперник, — и как бы совсем нечаянно, в тот момент, когда мелодия подходила к концу, Шукур, подняв руку над дутаром, стал кружить ею в воздухе, а дутар продолжал звенеть мягкими звуками, и мелодия таким образом сама подходила к завершению. Это был его знаменитый приём — игра одной левой рукой, только на грифе.

Ханский бахши сидел точно ребёнок, выпавший из люльки. Он силился понять: откуда исходят звуки? Даже он, Гулам-бахши, не мог повторить этого приёма. Хотелось так же покрутить рукой над дутаром, как это делает туркмен, но Гулам знал, что из этого ничего не выйдет. Разве только насмешишь слушателей. Он прикусил губу, взглянул на всех округлёнными, как у испуганного телёнка, глазами и еле слышно произнёс:

— Ах, у этого бахши, видно, много разных причуд и тайн!

Гулам уронил на грудь окрашенное краской стыда лицо. Под хана точно огонь подложили. Он вскочил с места, сверкая взглядом. Все видели, как пылает в нём гнев на придворного музыканта, покрывшего хана позором. Гулам не поднимал головы и не видел устремлённых на него взглядов. Он не пошевелился бы теперь, даже если бы его стали громко бранить или бить палками перед всем народом. Чего ему хотелось сейчас — это исчезнуть, скрыться от людей, в чьих глазах он так низко пал. Он с радостью провалился бы сквозь землю, если бы мог. Многочисленная толпа, обступившая его, придворные, близкие и друзья, вскружившие Гуламу голову чрезмерными похвалами, — все они и даже сам Мамед-Яр-хан теперь презирали его. Один лишь человек взглянул ему в лицо с братским сочувствием. Это был его соперник, туркмен Шукур-бахши.

Выбрав время, когда загудевшая толпа приумолкла, Шукур снова, теперь уже один, начал играть ту же мелодию. То бурно и страстно, то почти совсем затихнув, нежно пел дутар. Лицо Шукура было серьёзно и, казалось, выражало недовольство происшедшим. Но он играл с прежним подъёмом. Из толпы раздавались голоса:

— Молодец, бахши!

— Спасибо, бахши!

— Спасибо, Шукур-бахши!

И хан принуждён был слушать. Он сидел, нахмурившись, безмолвно внимая туркменской мелодии. Взглянув на слушателей, он остановил взгляд на молодой женщине, которая, отделившись от толпы, стояла, прижав к груди руки. Из глаз её текли обильные слёзы. Хан знал эту женщину. Лет семь назад она была привезена из-за гор ещё совсем молоденькой девушкой. Её отдали замуж, с тех пор она жила в крепости.

— Она, видно, потеряла голову, — мрачно сказал хан, — что не сидится ей на месте. Слёзы распустила!

— Я не могу быть спокойной, хан-ага, — взволнованно заговорила женщина. — Слёзы льются, когда слышишь такие песни. Это песни моей страны. Я как будто сразу увидела мать, и отца, и подруг своих, и наш аул!.. О, как я несчастна.

— Заткните рот безумной рабыне, — крикнул хан и отвернулся.

Потом всё смолкло. Шукур отложил дутар. Народ ждал, что скажет хан, и хан понимал, что все ждут его слова. Напряжённая тишина продолжалась несколько минут.

— Гулам!

Впервые за всё время, сколько он знал его, Мамед-Яр не прибавил к имени Гулама обязательное — «бахши».

— Гулам, с этого дня ты мне не нужен. Уходи и никогда больше не показывайся в моих владениях. Ты обесчестил меня! Ты покрыл позором наше искусство! А тебе, гость-бахши, — обратился он к Шукуру, — тебе найдётся место в моих покоях. Ты ни в чём не будешь знать нужды. Слышишь?

Шукур-бахши встал. Обратившись к хану, он учтиво отказался от предложенной ему чести. Ему захотелось как можно скорей увидеть брата и вместе с ним уехать на родину. Поблагодарив за лестное предложение, он ещё раз твёрдо выразил своё решение, затем сказал, к удивлению всех присутствующих:

— Хан-ага, вы напрасно разгневались на своего бахши. Гулам-бахши, как мне показалось, очень искусный и опытный музыкант. Он может быть ханским бахши.

— Неправда! — перебил его хан. Он набрал в грудь воздуха и ещё громче, чтобы все слышали, закричал: — Забирай брата своего! Отдаю! Забирай и эту бабу, что заревела от твоих песен. А теперь сыграй ещё раз мелодию, какую не осилил мой хваленый Гулам.

— Спор наш окончен, хан-ага, — сказал Шукур. — Я готов играть до той поры, пока меня будут слушать. Но мне неприлично играть в одиночку в присутствии такого славного сазандара. Мы должны играть вместе, дружно! Музыка любит лад!

— Как хочешь! — сказал хан, устало махнув рукой.

Оба бахши играли с полудня до поздней ночи. У них уже не было желания осрамить друг друга. Оба старались лишь доставить удовольствие народу, который их слушал. То и дело раздавались восклицания: «Спасибо, бахши!», «Прекрасно, бахши!», «Молодцы!»

— Это хан поссорил нас, — улучив подходящий момент, тихо сказал Шукур. — Ты не сердись на меня. Я приехал сюда за своим родным братом.

— Что же сердиться, — также тихо ответил Гулам и неуверенно улыбнулся.

Наутро Шукур вместе со своим старшим братом Берды выехал из крепости, взяв направление на высокую гору.
